

Стабильный экономический рост для России – это реальность! Интервью с Сергеем Мицеком

Мы поговорили с одним из известных российских экономистов, доктором экономических наук, деканом факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета, обладателем диплома Мирового банка в области финансового и банковского менеджмента (Вашингтон, США), участником международного научного проекта «Развитие, экономический рост и международная торговля (DEGIT)» Сергеем Александровичем Мицеком¹ – о выборе профессии, о мировой научной экономической мысли, о происходящих экономических процессах в стране и о прогнозах на будущее.

Мы поговорили с одним из известных российских экономистов, доктором экономических наук, деканом факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета, обладателем диплома Мирового банка в области финансового и банковского менеджмента (Вашингтон, США), участником международного научного проекта «Развитие, экономический рост и международная торговля (DEGIT)» Сергеем Александровичем Мицеком¹ – о выборе профессии, о мировой научной экономической мысли, о происходящих экономических процессах в стране и о прогнозах на будущее.

О мотивации, семье и выборе профессии

1. Сергей Александрович, с чего начинался Ваш научный путь? Чем Вас привлекла именно экономическая мысль?

Почему именно экономика? Меня всегда тянуло к цифрам, к фундаментальным знаниям. Эта тяга досталась мне по наследству от моего прадеда – Петра Абрамовича Виленского, который более известен в нашей стране под псевдонимом «Шубин». Еще в детстве, учеником школы, я изучал различные справочники (все, которые мог найти), интересовался численностью населения различных стран, городов и областей, поскольку экономических изданий тогда было мало, а демографические данные публиковали. Моему дедушке, Сергею Васильевичу Вонсовскому, – он был депутатом Верховного Совета Российской Федерации, членом Президиума Академии наук СССР, Председателем президиума Уральского отделения АН СССР – в соответствии с его статусом из Москвы регулярно присылали справочники «Народное хозяйство Советского Союза», и я их очень тщательно изучал. Много времени провел с Большой Советской Энциклопедией. Даже когда в школе занимались географией, я черпал из нее знания по экономике – там были атласы по экономической географии, я их всегда тщательно изучал, чем вызывал

* Елена Владимировна Шлегель, редактор сайта АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ Сергей Александрович Мицек, д-р экон. наук, доцент, выпускник МГУ, профессор Гуманитарного университета (г. Екатеринбург). Обладатель диплома Мирового банка (Вашингтон, США) в области финансового и банковского менеджмента, диплома Йоркского университета (Торонто, Канада) в области корпоративного управления, участник программы «Динамические системы» Токийского технологического института и Международного института прикладного системного анализа в Лаксенбурге, Австрия. Участник международного научного проекта «Развитие, экономический рост и международная торговля (DEGIT)», участник итало-канадского научного семинара в центре экономического анализа (Rimini).

ушмешки моих друзей, изучая, например, такие показатели, как поголовье скота или выплавка чугуна. Но оказалось, что все это не зря.

Наследственную любовь к экономике мне передал также брат моей бабушки Лазарь Абрамович Шацкин, один из основателей комсомола, который несколько лет возглавлял институт экономических исследований. Он был убит в 1937 году – его жизнь закончилась в Суздальском изоляторе, где он находился в заключении вместе с известным экономистом Николаем Дмитриевичем Кондратьевым. Я узнал об этом совершенно случайно: искал биографию Кондратьева и нашел в Википедии фотографию памятного обелиска в Суздальском изоляторе, на котором были написаны имена нескольких наиболее знаменитых узников, среди них Николай Дмитриевич Кондратьев и Лазарь Абрамович Шацкин, брат моей бабушки. Такой вот печальный памятный знак.

Среди других членов нашей семьи всегда очень интересовался экономикой мой дядя, брат моей мамы, Андрей Семенович Шубин. По образованию он был химик, но при этом не только занимался наукой, но и налаживал химическое производство в глубинках страны. За обширные знания в области химии и прекрасные человеческие качества его очень уважали заводчане. Благодаря поездкам в разные города нашей страны он многое понял относительно реалий нашей промышленности, знал нашу экономику не по книгам, а из жизни. Андрей Семенович Шубин мне тоже передал интерес и к экономике, и к фундаментальным знаниям в целом.

Наконец, из семейной тяги к экономике не могу не вспомнить еще одного члена нашей семьи, двоюродного брата моей бабушки, Леонарда Шацкина. Когда в 1914 году родители бабушки побежали от немцев из польской части России в глубь страны, брат ее отца эмигрировал в США. Так появилась американская ветвь нашей семьи. Леонард всю жизнь прожил в Нью-Йорке и много лет входил в руководство известной книгоиздательской компании McGrawHill, которая издает великолепные книги в разных сферах знаний, в том числе по экономике. Выйдя на пенсию, Леонард Шацкин консультировал книгоиздательские компании по всему миру, в том числе в России. Я присутствовал на его выступлении в известном книжном магазине «Глобус» в Москве, оно было очень успешным и посвящено издательскому делу. Леонард Шацкин очень любил Россию, гордился своими русскими родственниками, пользовался заслуженным уважением своих российских коллег – издателей книг. Беседы с ним о разных аспектах жизни и науки также оказали на меня большое влияние.

Вот так возникла моя мотивация выбрать свой профессиональный путь.

В 1976 году, закончив школу № 13 в Екатеринбурге, я решил поступать в Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, так как считал, что лучшие знания в области экономики дают именно там. В то время это было именно так! В МГУ я познакомился с очень интересными людьми, и эти контакты помогают мне до сих пор. У меня были блистательные преподаватели, перед которыми я низко склоняю голову. Трое из них оказали на меня огромное влияние и как на ученого, и как на преподавателя, и как на человека. Это Юрий Николаевич Черемных – преподаватель математического анализа, Александр Иванович Анчишкин – преподавал курс «планирование и прогнозирование» (по сути, это была макроэкономика – то, чем я сейчас занимаюсь), а также Сергей Артемьевич Айвазян – преподавал дисциплины «Математическая статистика» и «Эконометрика». Это специалисты мирового класса, люди выдающихся моральных качеств, ученые с большой буквы и просто мои Учителя – те учителя, у которых я учился не по книгам, а по реальному жизненному опыту.

Научным руководителем у меня был Ефрем Залманович Майминас – он был для меня, скорее, некой опекой. Его большая заслуга состояла в том, что он орга-

низвал на экономическом факультете МГУ научный семинар – то, что я пытаюсь делать на факультете бизнеса и управления Гуманитарного университета. Ефрем Залманович приглашал в качестве докладчиков интересных людей, и мы обсуждали животрепещущие проблемы, причем обсуждали достаточно свободно. Дух свободы, открытая дискуссия – в этом я вижу большую заслугу Майминаса как педагога и ученого.

Почему Вы выбрали путь ученого, профессора, преподавателя, а не путь бизнесмена?

Тут вопрос двоякий. Я бы не сказал, что пошел исключительно по пути ученого, ведь деятельность Гуманитарного университета – это тоже бизнес. Работать в Гуманитарном университете мне гораздо интереснее, чем в вузе государственном. Причина в том, что нам все время приходится бороться за то, чтобы удержаться на рынке. А для этого нам надо хорошо работать, давать нашим студентам отличные знания, что мы и делаем.

К сожалению, экономика нашей страны пока еще не достигла уровня, при котором научные знания могли бы использоваться в других сферах, помимо образования и собственно науки. Это тем более обидно, что, используя науку, мы могли бы быстро наверстать наше отставание во многих сферах, благо в России всегда было и есть много талантливых и энергичных людей. Но мне, к сожалению, постоянно приходится сталкиваться с консерватизмом мышления многих наших руководителей. Это серьезно замедляет развитие экономики и нашей страны в целом.

Немного об основах современной экономической мысли

Сергей Александрович, какие научные события мирового масштаба Вы считаете наиболее значимыми в области экономической мысли?

Я могу назвать несколько. Во-первых, это издание в 1848 году книги Джона Стюарта Милля «Основы политической экономии», где он заложил основу современной экономической мысли. Считается общепринятым, что экономическая наука идет от книги Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», изданной в 1776 году. Но я считаю, что основы современного экономического анализа заложил все-таки Милль, величайший экономист.

Второе великое событие – это издание в 1936 году книги Джона Мейнарда Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». В ней Кейнс заложил основы современного макроэкономического анализа.

Эпохальным событием было возникновение линейного программирования, которое создал великий русский математик Леонид Витальевич Канторович в 1939 году, а затем вновь открыл в 1947-м американский экономист голландского происхождения Тьяллинг Купманс. Оба они получили в 1975 году Нобелевскую премию за это открытие. Отметим, что Купманс, будучи очень благородным человеком, всегда признавал приоритет Канторовича как первооткрывателя. Благодаря созданию линейного программирования были, во-первых, созданы методы оптимизации, которые применяются сегодня при решении многих экономических задач. Во-вторых, они помогли обобщить разработанные ранее принципы экономического анализа, взглянуть на них совершенно по-новому.

Ну, и еще одно эпохальное событие, это, конечно, развитие эконометрики. Я считаю ее первооткрывателями таких русских экономистов, как Павел Ильич Попов и Лев Николаевич Литошенко. Еще в 20-х годах прошлого века они создали модель межотраслевого баланса, которую потом существенно доработал другой

русский экономист, Василий Васильевич Леонтьев. На мой взгляд, именно модели межотраслевого баланса дали толчок развитию современной эконометрики.

Леонтьев получил Нобелевскую премию в 1973 году за разработку модели межотраслевого баланса. Он всегда подчеркивал важность пионерного исследования Попова и Литошенко.

Вот эти фундаментальные события, которые, по моему мнению, составили славу экономической науке. И мы видим с вами довольно большой вклад русской экономической мысли!

А если брать последнее столетие, то кого Вы считаете самым выдающимся экономистом (ученым и практикующим)? Чье мнение авторитетно для Вас сейчас?

На мой взгляд, самый выдающийся экономист в истории науки – это, конечно, Кейнс. Кроме огромного вклада в развитие науки, он входил в различные правительственные комиссии, был членом Совета директоров Банка Англии, т. е. фактически являлся членом правительства. Для меня это выдающееся сочетание теоретика и практика. Если говорить о России, то самым выдающимся среди русских экономистов я считаю Михаила Ивановича Туган-Барановского – тоже, кстати, и теоретика и практика (кроме его многочисленных научных трудов, он также работал в органах власти).

Если говорить о людях сегодняшнего дня – то это Бен Бернанке, который несколько лет возглавлял Федеральную резервную систему США; безусловно, Джозеф Стиглиц, который был долгие годы главным экономистом Всемирного банка; Стэнли Фишер, бывший заместителем директора Международного валютного фонда, а затем руководителем Центрального банка Израиля. Все эти люди умели сочетать глубокие экономические исследования и с практикой, и с педагогической работой. Так, Бернанке и Фишер – авторы известных учебников по макроэкономике.

Экономика России сегодня

Вы серьезно занимаетесь моделированием российской экономики. Скажите, а при планировании экономической жизни страны, при выстраивании реальных стратегий и планов – учитываются ли мнения и разработки ученых-экономистов?

Учитываются, но, к сожалению, очень мало, недостаточно. Для меня это совершенно непонятно: почему не воспользоваться научными результатами, особенно если они опубликованы в книгах и журналах (и потому их применение не потребует денежных затрат)?

Каким Вы видите место России в мировой экономике через десять, двадцать лет? Стабильный экономический рост для современной России – это реальность? Скептики говорят о «сырьевом проклятии», «дефектах социально-политической памяти», «специфике демографической ситуации», гигантских, слабообжитых территориях, особой миссии России в сложной геополитической обстановке и т. д.

Стабильный экономический рост России – это, конечно, реальность! Все это зависит только от нас самих.

Если мы будем уповать только на то, чтобы продавать нефть за рубеж, получать деньги и за счет этого жить, – этот путь считаю тупиковым. Вполне в наших

силах развивать другие отрасли экономики, механизм вполне известен: налоговые и прочие льготы секторам, которые мы хотим развивать.

Например, в последние годы хорошо развивается сельское хозяйство – это перспективная отрасль, потому что у нас много земли и других природных ресурсов. Мировой рынок сейчас требует продовольствия – быстро растут развивающиеся страны, где повышается удельный вес среднего класса. Он богатеет и предъявляет все больший спрос на продукты питания. В целом в мире спрос на продукты питания очень большой, и Россия здесь может занять очень достойную нишу и зарабатывать хорошие деньги. Особое внимание следует обратить на животноводство, которое у нас пока отстает.

Далее, я считаю, что у нас неплохо может развиваться авиастроение: и успехи, как известно, есть. Мы можем добиться дополнительных успехов и на наших традиционных рынках, таких, например, как химическая промышленность, в том числе удобрения. Рост спроса на продовольствие будет повышать спрос на удобрения.

Наши экспортные отрасли, черная и цветная металлургия, также могут усилить свои позиции на мировых рынках, но для этого нам нужно проводить реконструкцию заводов, многие из них отстали в технологическом плане. Конечно, это требует больших вложений, поэтому инвестиции надо поощрять налоговыми льготами.

Еще одна перспективная сфера – рынок программных услуг и Интернета, который очень быстро развивается. Для этого у нас есть очень сильные программисты и математики, прекрасно подготовленные инженерные кадры.

Так что перспективы стабильного роста у России вполне очевидны, но нужно вести продуманную политику, как поощрять несырьевые отрасли.

Какие реформы Вы бы предложили в нынешних условиях нашей стране?

Реформы нужно разделить на несколько направлений. Как специалисту в области экономики, экономические реформы мне вполне очевидны. Но для нас очень важны и политические реформы, и культурные изменения.

Если начать с политических реформ, то очень важно защитить частную собственность. Человек должен быть спокоен, что его собственность не отберут, а такое словосочетание, как «отжать бизнес», должно уйти в историю. Должны быть равные стартовые позиции, равные права и равная ответственность. Здесь же, на мой взгляд, необходима реформа судов. Чтобы суд был беспристрастен, профессионален, неангажирован и т. д. Чтобы решать свои проблемы и споры бизнес мог, в первую очередь, в суде. Все эти вопросы, исключительно важные для нашей страны, я затронул очень кратко, так как не считаю себя в них специалистом. Мои коллеги-юристы могут дать им серьезное научное обоснование.

Если говорить о собственно экономических реформах, в первую очередь реформа налоговая. Общее направление такой реформы можно сформулировать так: **«Меньше налогов на производство, больше налогов на потребление!»** Так, надо отменить налог на имущество предприятий, он очень мешает, так как наказывает бизнес, который инвестирует в развитие производства. Этот налог был уместен в годы приватизации, но сейчас он просто устарел.

Нужно ввести льготы для инвесторов. В качестве радикальной меры я бы предложил 100%-ную амортизационную премию. Это позволило бы сразу списывать на издержки стоимость купленного оборудования и тем самым снизило бы налог на прибыль. Также следует минимизировать импортные пошлины на оборудование, которое остро необходимо производству, но пока не имеет отечественных аналогов. Следует помнить, что **главный стимул экономического роста и прогресса – это инвестиции!**

Что еще нужно сделать из экономических мер? Нужно вернуть малому бизнесу старые льготы и дать новые. Здесь среди возможных мер надо расширить область применения упрощенных систем налогообложения; там, где налоги уплачиваются как процент с выручки, – уменьшить этот процент; повысить объемы оборотов, при которых разрешена упрощенная система налогообложения; расширить сферы применения патентной системы. Все это очень непростые решения, так как налоги с малого бизнеса получают в первую очередь субфедеральные бюджеты. Но неужели лучше, когда бизнес уходит в тень или разоряется? Тогда он уже точно никаких налогов не заплатит!

Есть еще одна интересная мера, применяемая в США для поощрения малого бизнеса. Там налог на прибыль вообще не берется с первых 100 тысяч долларов прибыли. Почему бы нам не использовать подобный опыт – не брать налога на прибыль, например, с первого миллиона рублей прибыли? Это решило бы многие проблемы: существенно облегчило бы жизнь начинающим предпринимателям, помогло бы тем, кто попал в трудное положение, меньше было бы стимулов уклоняться от уплаты налогов.

Следует помнить, что развитие малого бизнеса – это не только экономическая, но и политическая цель. Когда человек имеет бизнес, он не висит на шее у государства и в целом ведет себя гораздо более ответственно. Мер, которые сегодня принимаются для поощрения бизнеса, совершенно недостаточно.

У нас малый бизнес, насколько я помню, занимает от силы 20 % ВВП, а в развитых странах – 50–70 %, в Китае 80 %. Чем же мы хуже?

Наконец, надо вернуть прежний уровень социальных взносов. Сейчас он составляет 30 % с зарплаты, причем льготы по ним каждый год неуклонно сокращаются. Надо вернуть прежний уровень – 25,6 %, а может быть, сделать еще меньше. Дело в том, что, по мнению многих экспертов, эти «взносы» по своей сути – один из самых тяжелых видов налога на наш бизнес. Поэтому многие предприятия уходят в тень, платят «серую» зарплату, из-за чего страдают и бюджет, и граждане, и пенсионный фонд, и прочие социальные фонды.

Конечно, от предлагаемых мною мер поступления казны, особенно субфедеральных бюджетов, уменьшатся, по крайней мере на первое время. Следовательно, эти потери надо компенсировать. В качестве мер компенсации я бы предложил, во-первых, налог с розничных продаж. Это, конечно, приведет к повышению цен, это понятно, но эта мера неизбежна, чтобы компенсировать потери бюджета. Во-вторых, это расширение акцизного обложения. В-третьих, нужно вводить прогрессивный подоходный налог, но с оговоркой: только с людей высокого достатка. Я бы предложил начинать рост ставки с доходов свыше 1 миллиона рублей в месяц. В-четвертых, надо повышать налоги на роскошь, т. е. на очень дорогое имущество.

Всё это вкупе с другими мерами могло бы компенсировать те налоговые льготы, которые я предлагаю.

Наконец, нельзя не сказать и еще об одном важном вопросе, от которого зависят пути дальнейшего развития нашей страны. Я имею в виду моральный климат в нашем обществе.

Представим мысленно каркас общества в виде треугольника: «государство–бизнес–народ». Прочность его может быть обеспечена лишь на основе взаимного доверия, а сейчас такого доверия нет. Нужно нравственное самосовершенствование всех этих трех элементов нашего общества, а именно: не врать, честно работать, платить налоги, выполнять законы, научиться решать проблемы на основе компромисса.

Радикальных изменений требуют принципы кадровой политики, как власти, так и бизнеса. К сожалению, до сих пор при отборе кадров используется принцип

либо личного знакомства, либо родственных связей. Это не лучший способ. Работодатель должен сам искать кадры, а не ждать, когда нужный специалист сам найдет его компанию или ведомство. В противном случае у нас всегда будет дефицит квалифицированных кадров.

За рубежом есть хороший опыт – «Зеленая жатва», когда крупнейшие компании в период выпускных экзаменов объезжают вузы и отбирают себе лучших выпускников, предлагают им привлекательные условия. Нам надо использовать этот весьма ценный, на мой взгляд, опыт!

Поговорим о перспективах: несколько упрощенный взгляд на перспективы развития национальной экономики представляет дилемму между рыночным и распределительным механизмом («рынок» vs «плана», «Глазьев» vs «Кудрина» и т. д.). Ваши личные научные предпочтения, или Вы считаете, что данная система координат изначально ошибочна?

Она ошибочна, безусловно. Смотри какой рынок, смотри какой план. Безусловно, основой любого общества должна быть рыночная экономика. Сейчас в мире осталась лишь одна нерыночная экономика – это Северная Корея, хотя даже там заметны признаки движения в сторону рынка. Такое государство, как Куба, проводит реформы в сторону рынка, причем достаточно быстро.

В чем основной плюс рыночной экономики? В том, что рыночные цены дают сигнал производителю: что пользуется спросом. Когда спрос растет – растет цена, растет цена – растет прибыльность производства данного вида продукции или услуги – и она становится выгодна бизнесу, бизнес ориентируется на производство данного продукта. Поэтому если не будет рыночной экономики, то бизнес не будет ориентирован на то, чтобы производить именно то, что нужно потребителю. В экономике будет дефицит одних товаров и переизбыток других. И в этом аспекте лучше рынка человечество пока ничего не придумало.

Рыночная экономика вовсе не отрицает плана. Но принцип планирования должен отличаться от того, что был принят в СССР. Тогда это был очень детализированный план: заводу производить то-то, продавать по таким-то ценам, поставлять тому-то. А вот план, например, как ускорить темпы экономического роста, как стабилизировать курс валюты, как стабилизировать инфляцию, как расширить кредиты – эти макроэкономические вещи можно и нужно планировать. Именно такой тип планирования предлагал в 1920-х годах Николай Дмитриевич Кондратьев. Жаль, что с ним не согласились. Поэтому его идеи так важны и сегодня, популярны и используются не только в России, но и за рубежом. Если говорить о вкладе русской экономической мысли, повторю еще раз: вклад Кондратьева очень важен! Такое планирование вполне нормально, оно рынку никак не противоречит.

А как Вы оцениваете политику ЦБ РФ по таргетированию инфляции любой ценой?

Я бы не сказал, что это делается любой ценой, там работают достаточно квалифицированные люди. Я считаю, что Центральный банк многого добился за последнее время: если складывать плюсы и минусы его политики, то, конечно, все-таки это плюс. Я искренне поддерживаю ту политику, которую они проводят: инфляцию все-таки удалось снизить. В нашей стране, которая долгое время переживала достаточно высокую инфляцию, это очень важно. Причем важны не только сами показатели инфляции, но и инфляционные ожидания, т. е. поведение бизнеса, поведение инвесторов, поведение граждан по отношению к тому, какую инфляцию они ожидают. Если инфляционные ожидания низкие, тогда граждане больше вкладывают деньги в отечественные банки, в отечественную валюту, ценные бу-

маги; бизнес – в развитие нашего производства, а не за рубеж. Это очень важно! И здесь, я считаю, у ЦБ серьезные достижения! Но ограничительная денежная политика породила не только низкую инфляцию, но и высокие реальные процентные ставки. Их надо снижать, так как в результате кредиты бизнесу и гражданам становятся весьма дорогими. Поэтому ЦБ сейчас аккуратно снижает ключевую ставку, по которой сам дает кредиты банкам. Цель состоит в том, чтобы банки сами снизили проценты по кредитам – это может дать определенный стимул развитию бизнеса. Это правильное направление! Другое дело, что сейчас, на мой взгляд, препятствует экономическому росту не столько денежная, сколько налоговая политика. И вот здесь провести реформу было бы важно!

Ваше отношение к криптовалютам? Допускаете ли Вы возможность того, что «биткоин и Со», преодолев детские болезни становления, повторят историю золота как средства всеобщего эквивалента, расчетов, накопления и пр.?

Не думаю. Есть такое высказывание Гладстона: «Даже любовь не сделала столько людей дураками, сколько мудрствования о сущности денег». Говорить о биткоине невозможно без подобного «мудрствования». Я считаю, что биткоин пока не может играть роль полноценных денег. Что такое полноценные деньги – это вопрос непростой. В мире сейчас есть понятие «фидуциарные деньги»: деньги, которыми мы с вами пользуемся, – это как раз и есть фидуциарные деньги. В старинные времена пользовались золотом, но золото не было фидуциарными деньгами, потому что оно само имеет некую ценность как металл. А фидуциарные деньги – это деньги, основанные только на доверии к тому, кто их выпустил. Бумажка у меня в кармане сама по себе ничего не стоит, про безнал и говорить нечего. И тем не менее, это деньги. Почему? Во-первых, потому, что их принимают в оплату товаров и услуг. И заставляет так делать именно государство, орган принуждения. Во-вторых, само государство принимает эти деньги в уплату налогов и других обязательных платежей в пользу государства. В этом смысле, это полноценные деньги. А биткоин? Его принимают в уплату? Я приду в магазин, скажу «Дайте палку колбасы, вот вам биткоин». Мне колбасы не дадут. У меня и налоги не примут в уплату биткоином. Биткоины, по сути, применяются в некоем закрытом клубе. Это как расписки в книгах о Шерлоке Холмсе: пришел в закрытый клуб, оплатил услугу распиской, по расписке выпил бокал портвейна, уплатил карточный долг. И все внутри клуба эти расписки принимают. Этакая частичная, ограниченная валюта. В старинные времена роль такой частичной валюты играл вексель. Биткоин сможет играть такую же роль, как наши с вами деньги, когда я смогу прийти в магазин и расплатиться биткоином, когда государство налоги возьмет у меня биткоином и т. д. Сейчас он полноценными деньгами пока стать не может, он – полуденьги. Чтобы он стал полноценными деньгами, нужно будет принять ряд определенных условий. И главный вопрос: кто их будет выпускать и контролировать? Так что про биткоин как полноценный эквивалент денег говорить пока рано.

Сергей Александрович, у Вас такая прекрасная семейная экономическая история, Вы закончили самый большой вуз страны, а насколько Вы чувствуете себя реализованным ученым, работая в небольшом Гуманитарном университете?

В нашем Гуманитарном университете я себя полностью реализовал, как ни в каком другом месте. Объясню почему: потому что традиции Гуманитарного университета – это прежде всего свобода. Именно дух свободы я больше всего ценю в нашем университете. Свобода творчества, атмосфера доброжелательности – вот главные черты, отличающие наш университет. Мне очень хотелось бы, чтобы на-

ши студенты все это ценили, а став специалистами, вспоминали родной университет с теплотой и благодарностью.

Вторая важная особенность состоит в том, что Гуманитарный университет – это элитарное учебное заведение. Почему? Потому что я и все мои коллеги стремимся к самым высоким стандартам: учить студентов и делать науку на мировом уровне. Поэтому и учиться у нас так трудно. Но все эти трудности будут вознаграждены сторицей в большой, взрослой жизни.

Elena Vladimirovna Shlegel,

Content Manager of Site, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

**"Steady economic growth in Russia is a reality" :
Sergey Mitsek's interview**